

УДК 911.3:327

РУБЕЖНОСТЬ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА И ЕГО ТРАНСФОРМАЦИЯ НА ПРИМЕРЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Воронин И. Н., Швец А. Б., Воронина А. Б.

Таврическая академия (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

e-mail: voronin.igor45@gmail.com, fusion10@mail.ru, voronina-simf@rambler.ru

Воссоединение Крыма с Россией в 2014 году ускорило процесс размежевания некогда единого в Причерноморском регионе славянского мира. Украина и Россия оказались по разным сторонам социокультурных ценностей. Ко второму десятилетию 21 века в Причерноморье возникли барьерные границы между украинским и российским мирами. В статье рассмотрены геополитические причины этого размежевания.

Ключевые слова: геополитика, Причерноморье, регион, социокультурные рубежи.

ВВЕДЕНИЕ

Глобальной причиной трансформационных процессов в мире в целом и в Евразии в частности стал переход мировой системы взаимодействия государств из архитектуры однополюсности к структурам многополюсности. Насыщенность Евразии полюсами силы и влияния – самая высокая в мире. Здесь располагаются, помимо уже сформированных – Европейского и Японского полюсов, Индийский, Китайский, Российский глобальные полюса цивилизационного влияния.

Под рубежностью понимается специфическая характеристика территории, не сводимая к физическим размерам и протяженности. Рубежность определяется как зона (поле) высокой энергетики (созидательной или разрушительной) многомерного коммуникационного пространства, где в результате динамического соприкосновения разномасштабных процессов образуется множество рубежей [1]. Именно действием фактора рубежности можно определить внутреннюю причину трансформаций в Евразии.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Целью работы является попытка систематизации факторов, трансформирующих современные социокультурные рубежи в одном из ключевых регионов Евразии – Причерноморье.

Изучение социокультурных рубежей Евразии неизбежно приводит к выявлению в ее пределах регионов, где социокультурная рубежность «раскалена», т. е. имеет проявления конфликтности или высокую вероятность ее появления. Такие территории в геополитике называют «ключевыми» или «узловыми». Маркерами рубежей узловых регионов являются модели взаимодействия государств, проявленные как продвижение или защита их национальных интересов.

Авторами рассматривается рубежность социокультурного пространства, которое близко понятиям геополитического и геокультурного. Социокультурное пространство предполагает наличие скрытой или проявленной конфликтности,

вызванной исключительно ценностными причинами (разностью традиций, норм, оценок, верований, форм организации экономической и политической жизни, доступности к ресурсам материального и духовного порядка и др.). Нередко социокультурное пространство идентифицируют как цивилизационное. Это допустимо в том смысле, что любая цивилизация основана на ценностях культуры, выработанных в процессе развития ее этнических носителей.

Исходные позиции нашей работы основаны на представлении о том, что современное Причерноморье – это «уникальная кольцевая региональная структура» [2] Евразии, которая с 2014 года находится в эпицентре событий, связанных с переустройством мирового геополитического порядка. Основной «нерв» цивилизационных трансформаций в Причерноморье определяется фактором возвращения России в число мировых сил, способных бросить вызов цивилизации Запада в лице США и объединенной Европы. Возвращение России в большую геополитику вызвало беспрецедентное сопротивление стран Запада, применивших против российского государства систему экономических и политических санкций в ответ на воссоединение с ним Крыма. Твердая политическая позиция России в отношении Крыма позволяет говорить о том, что в Причерноморье формируется новый рубеж геополитического равновесия, утерянный Россией в конце XX – начале XXI веков, когда контроль над этим регионом перешел к Турции и частично ее партнерам по НАТО.

К Причерноморью нами отнесены территории тех государств, которые имеют прибрежную зону в акватории Черного моря: Абхазия, Болгария, Грузия, Российская Федерация, Румыния, Турция, Украина. Прибрежное положение объединяет эти территории, формируя общие задачи поддержания безопасности и соблюдения режима черноморских проливов, а также решение проблем внутреннего судоходства, экологии, рыболовства и др. Страны Причерноморья (за исключением Турции) имеют общее прошлое: они принадлежат к постсоветскому или постсоциалистическому пространствам. В настоящее время они либо ассоциированы, либо устремлены к ассоциации в экономические и военно-политические организации, защищающие в регионе ценности западной цивилизации. Исключение составляют Российская Федерация и частично признанная Республика Абхазия, которые формируют в Причерноморском регионе своеобразный геополитический ареал дружественных отношений.

В геополитике существует понятие Большого Причерноморья, состав которого был согласован в 2005 году на встрече Черноморской комиссии по конфликтам (BSCC) в Вене [3]. В него включаются расположенные вокруг Черного моря страны Западных и Восточных Балкан, Украина, Молдова, Россия, Турция, государства Закавказья, объединенные в рамках Организации черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС). С этой группировкой стран у Российской Федерации накопилось множество нерешенных проблем, связанных с разностью геополитических позиций, что привело к сокращению ее контактов с ОЧЭС.

Нередко Причерноморье сравнивают с ключом к Евразии, лежащим на дне Черного моря [4]. В этом сравнении отражена не только географическая, но и в большей степени историческая специфика региона. Причерноморье в течение

многих веков было действительно ключом к контролю евразийского пространства. Тысячу лет назад через этот регион проходил Великий шелковый путь, а на рубеже XXI века характер коммуникативности Причерноморья накрепко связан с добычей и транспортировкой углеводородного сырья, газа и нефти, ставших важнейшими стратегическими ресурсами выживания стран западной цивилизации. Именно в роли транзитера углеводородов Причерноморье заинтересовало западных политологов. Этому региону уделено повышенное внимание при рассмотрении многочисленных проблем евразийского континента в работе З. Бжезинского (англ. Zbigniew Kazimierz Brzezinski) «Великая шахматная доска: главенство Америки и ее геостратегические императивы», которая, по меткому выражению известного историка и политолога Н. А. Нарочницкой, является «программой утверждения и закрепления американской гегемонии в мире» [4]. С 1997 года Причерноморье (наряду с Каспийским регионом) объявлено зоной американских национальных интересов, рассматривается как источник энергоресурсов, альтернативный Персидскому заливу, и одновременно плацдарм доступа США к перспективным рынкам Китая, Пакистана, Индии и Юго-Восточной Азии [5; 6].

О возросшей геополитической значимости Причерноморья свидетельствует наличие в западных странах развитой сети исследовательских центров и программ, непосредственно направленных на изучение проблем региона. Среди них: Международный центр черноморских исследований (International Centre for Black Sea Studies), расположенный в Афинах, Гарвардский университет, курирующий программы Black Sea Security Program и Black Sea Security Program Regional Workshops, Германский фонд Маршалла (German Marshall Fund) и курируемые им грантовые программы, охватывающие страны Причерноморья, а также ряд других научно-исследовательских центров Европы и США [7].

Заметим, что факторы, формирующие социокультурную рубежность в Причерноморском регионе, подразделены нами на морские, связанные с трансформаций взаимоотношений стран по поводу использования акватории Черного моря, и континентальные, определяющие тренды государственных отношений на суше.

Морские факторы социокультурной рубежности в Причерноморье разнообразны и определены географическими особенностями Черноморского бассейна. В работе выделен один из наиболее проявленных (имеющих постоянное присутствие в регионе) морских факторов – использование черноморских проливов.

Черное море – это внутренний, почти изолированный от Мирового океана морской бассейн, наиболее глубоко врезавшийся в евразийскую сушу и связывающий черноморскую акваторию с Атлантикой проливами Босфор и Дарданеллы. Географическая изолированность Черного моря создает для государств Причерноморья геополитический прецедент неопределенности по поводу режима использования черноморских проливов. В XIX веке вопрос о характере владения Босфором и Дарданеллами стал «ахиллесовой пятой» Российской империи в ее стремлении к южным морям и послужил одной из причин развязывания европейскими государствами «первой геополитической войны против России», получившей название Крымской.

Проблема владения проливами до сих пор актуальна в Причерноморье и способна стать фактором осложнения геополитической ситуации в регионе. Проливы Босфор и Дарданеллы являются важным логистическим пунктом снабжения российской воинской группировки в Сирии. Вероятный конфликт с Турцией после инцидента со сбитым российским бомбардировщиком в ноябре 2015 года мог поставить под вопрос переброску зенитно-ракетных комплексов С-400 на авиабазу Хмеймим. Маршрут военных грузов в Сирию через черноморские проливы – кратчайший и занимает четыре дня перехода. Если использовать пролив Гибралтар, то этот маршрут удлинится до 13 дней из Санкт-Петербурга и 14 с половиной дней при отправлении груза из порта Мурманск [8].

Закрытия черноморских проливов Турцией не произошло по разным причинам, одна из которых – правовая. С точки зрения международного морского права режим прохода кораблей через проливы регулируется Конвенцией Монтре о статусе проливов (фр. Convention de Montreux) 1936 года. Этот документ сохраняет в Причерноморье роль главного юридического фактора, регулирующего возможность возникновения в регионе социокультурной конфликтности. Согласно Конвенции за Турцией закреплён контроль над черноморскими проливами. В соответствии со статьей 21 данной Конвенции, закрыть проход для военных судов Турция может только в случае угрозы военной опасности или нахождения в состоянии войны с государством, которому принадлежат данные корабли. Кроме того, стране необходимо получить согласие ООН по вопросу закрытия проливов. Торговые суда в мирное время могут беспрепятственно проходить через проливы, и, если даже Турция находится в состоянии войны, она обязана пропускать гражданские суда дружественных и нейтральных стран [9].

Турция формально связана в своих действиях по регулированию пропуска судов через черноморские проливы Конвенцией Монтре, но трактовка «угрозы военной опасности» остается на усмотрение турецкого государства и может послужить спусковым крючком кризиса в проливах. После окончания Второй мировой войны Турция неоднократно стремилась усилить свой контроль над проливами. Так, в 1982 году она пыталась распространить регламент порта Стамбул на всю зону проливов, получая в этом случае право закрывать Босфор даже в мирное время. Критика соседних держав, в первую очередь бывшего СССР и Греции, заставила Турцию сделать оговорку о том, что новые правила прохода проливов не будут касаться транзитных судов, проходящих проливы без остановки. В том же 1982 году ООН выработала Конвенцию по морскому праву, к которой Турция отказалась присоединиться, оставив в силе Конвенцию Монтре, а в 1994 году турецкие власти разработали и ввели в действие новый Регламент судоходства в проливах, имевший нарушения Конвенции Монтре. По новому Регламенту турецкие власти могли приостанавливать судоходство в проливах, ссылаясь на научные, ремонтные, буровые работы, проведение полицейских операций и спортивных мероприятий, а также действия по предотвращению и устранению последствий загрязнения морской среды и другие условия. В результате введения Регламента с 1 июля 1994 года и по 31 декабря 1995 года было 268 случаев необоснованных задержек российских судов, что привело к потере 1553 часов

эксплуатационного времени и к ущербу в сумме более 885 тыс. долл. США, не считая упущенной выгоды, потерянных контрактов и санкций за опоздания [10].

После активных действий России и других причерноморских стран в 1998 году Турция в очередной раз усовершенствовала Регламент судоходства в проливах. Но и в этот раз документ не избавился от субъективизма некоторых трактовок. Так, в статье 20 Регламента 1998 года был приведен список оснований для остановки судоходства по проливам, среди которых значились обеспечение общественной безопасности, загрязнение и другие схожие случаи. Опасения вызывает пункт «другие схожие случаи», поскольку трактовка схожести того или иного случая оставлена за властями Турции и нет гарантий тому, что толкование этого положения не будет излишне расширенным.

Подводя итог анализу влияния морского фактора на возникновение социокультурной рубежности в Причерноморье, следует отметить, что в акватории черноморских проливов сохраняются историко-географические предпосылки возникновения конфликтов не только регионального, но и глобального уровней. Это связано с тем, что турецкое государство накопило длительный опыт манипулирования морским законодательством, не испытывая при этом значимых последствий за нарушения международных морских законов. Проход через проливы фактически регулируется не международными договорами, а внутренними турецкими директивами, что усиливает геополитические амбиции Турции в Причерноморье.

Влияние континентального фактора на появление в Причерноморье социокультурных рубежей прослеживается в системе взаимоотношений Россия – циркумпонтийские государства (государства, окружающие Черное море). В настоящее время в причерноморской кольцевой региональной структуре государств у России нет геополитических союзников. Все государства Причерноморья в той или иной степени находятся под цивилизационным влиянием западных стран, являясь либо членами ЕС и НАТО, либо стремясь к членству в этих организациях.

Среди стран Причерноморья две страны имеют в силу своего географического положения на стыке европейского и азиатского пространств стратегические планы взаимодействия на континентальном пространстве Евразии: Россия и Турция. На протяжении веков отношения России с Турцией были областью соперничества и раздела сфер влияния. Современность мало изменила этот характер геополитического взаимодействия обеих стран. Одной из причин сохранения соперничества России и Турции является геополитика российского государства, выстраиваемая на идеологических основах неоевразийства как доктрины восстановления целостности постсоветского пространства на основе новой славяно-тюркской интеграции, а турецкое государство исповедует геополитические взгляды неоосманизма.

Идеология неоосманизма предполагает возврат к этнотерриториальному наследию Османской империи. Турция не признает факты геноцида армян, понтийских греков, ассирийцев, совершенных ею в первой четверти XX столетия. Вместе с тем турецкая политическая элита традиционно поддерживает современные экстремистские силы на Ближнем Востоке и в Северном Причерноморье, объясняя

такую политику необходимостью объединения тюркских народов. Турецкий патронат почти четверть века распространялся на крымских татар и нелегальную запрещенную в настоящее время в России этнократическую структуру «меджлис-курултай», которая на протяжении многих лет дестабилизировала общественно-политическую ситуацию на Крымском полуострове. Отдавая отчет о том, что лидеры «меджлис-курултая», покинувшие пределы российского Крыма, занимают в отношении России русофобскую позицию, высшее руководство Турции позволило упомянутым политикам провести в августе 2015 года так называемый II Всемирный конгресс крымских татар. Турция по-прежнему поддерживает создание на территории Крыма национальной автономии крымских татар, что контрастирует с нежеланием турецких лидеров предоставить автономию курдам, проживающим на территории турецкого государства.

Вместе с тем российско-турецкие геополитические отношения объединяет взаимное желание недопустить реализацию намерений США расширить сферу деятельности НАТО в Черном море, обозначенную в доктрине «Активные усилия» («Operation Active Endeavor») и представляемую американцами как стратегию борьбы с терроризмом и преступностью.

Россия, как и Турция, не желает усиления влияния США в Причерноморском регионе. И здесь необходимо согласиться с турецкими экспертами, что одним из главных препятствий на пути реализации геополитических устремлений США в Причерноморье является Конвенция Монтре [11]. Усиление присутствия США в Черном море как страны НАТО неизбежно поставит на повестку дня вопрос о внесении поправок или даже отмене Конвенции Монтре. Турция как член Евроатлантического альянса вынуждена будет подчиниться коллективной воле этой организации. Американская стратегия расширения присутствия в Черном море разрушит институты безопасности, созданные в регионе по инициативе Турции еще в 2001 году. Речь идет о Рабочей группе по военно-морскому сотрудничеству в Черном море (BlackSeaFor), членами которой являются все прибрежные государства (исключение составляет Абхазия как частично признанное государство) и Черноморская гармония (Black Sea Harmony), инициированная Турцией для борьбы с терроризмом.

Российская дипломатия неоднократно подчеркивала, что расширение американского присутствия в Причерноморье бессмысленно, поскольку три страны Причерноморского региона уже являются членами НАТО. Однако в период после присоединения Крыма к России присутствие сил НАТО в акватории Черного моря (включая постоянное дежурство кораблей этого альянса) и на территориях причерноморских стран значительно возросло. Ежегодно начиная с 1997 года проводятся учения НАТО Sea Breeze. В сухопутной части Причерноморья проходят постоянные учения пехоты НАТО. Судя по локализации учений в Херсонской, Николаевской и Одесской областях Украины, во время учений отрабатываются операции в «кризисном регионе», который приближен исключительно к территории Крымского полуострова. Это можно объяснить только тем, что Крым в настоящее время играет роль плацдарма, где в открытом противостоянии сошлись интересы России и США.

Новые члены НАТО – Болгария и Румыния поддерживают расширительную стратегию присутствия США в Причерноморье, а Грузия и Украина выступают в этой проблеме с сочувствующих США позиций. Особой активностью в Причерноморье отличается Румыния. В последние годы Румыния выступает инициатором создания черноморской флотилии НАТО. Уже два десятилетия после развала СССР Румыния вынашивает планы поглощения Молдовы, Бессарабии и части северной Буковины. Болгария менее активна в продвижении интересов НАТО в Причерноморье, однако на военной базе в Безмере она оборудовала обширный полигон для учебных стрельб сил Евроатлантического альянса[8].

Таким образом, между странами Причерноморья сформировано расхождение позиций по проблеме организации коллективной безопасности в регионе. Кроме того, любое «продвижение» причерноморских стран «в Европу» или сближение их позиций с США естественно воспринимается Россией как вызов ее национальным интересам, заявленным как интересы глобального геополитического актора. Учитывая позицию Турции, стремящейся сохранить в Причерноморье роль крупного регионального игрока в геополитике, можно согласиться с мнением экспертного сообщества о том, что Причерноморье еще долго будет оставаться нестабильным регионом [12].

Нестабильность в Причерноморье усиливается украинским кризисом, породившим еще один социокультурный рубеж в регионе. Разногласия между Россией и Украиной по поводу территориальной принадлежности Крыма и вопроса федерализации Украины как варианта решения конфликта в Донбассе, постоянная напряженность вокруг альтернативных путей транспортировки газа в Европу (в обход Украины) – это геополитический фон, на котором развиваются отношения двух славянских государств в последнее десятилетие. Желание Украины стать частью Запада и в то же время зависимость от российских энергоносителей ставят эту страну в сложное положение. Но это геоэкономическая часть противостояния, которая при желании и проявленной воле политической элиты Украины может быть разрешена. Гораздо более опасной составляющей разногласий между Россией и Украиной стало уничтожение этнической комплиментарности русских и украинцев, проявленное как часть информационной войны между этими странами.

Объяснять появление образа «врага» только «провинциальным национализмом» украинцев бессмысленно. У этой проблемы более глубокие корни. Этот образ целенаправленно формировался усилиями большей части «гуманитарной интеллигенции» все 26 лет независимости украинского государства и, прежде всего, средствами исторического образования и воспитания в школах. В большинстве современных украинских учебников истории формирование единой украинской нации производилось через образ «внешнего врага». В них подчеркивалось, что украинская нация формировалась не благодаря, а вопреки ее нахождению в составе империй – Великого княжества Литовского, Речи Посполитой, Российской империи и СССР. Сыграли свою отрицательную роль политическая беспринципность и конъюнктурность позиций современных украинских политиков, подобных второму президенту Украины Л. Кучме, выпустившему в 2003 году книгу «Украина – не Россия». Этот текст актуализировал

на государственном уровне возможность появления псевдоистин о разности исторических судеб, самоощущений, культурно-языковых ситуаций у России и Украины. Взаимоисключающая интерпретация событий киевского майдана 2013–2014 годов, Крымской весны и войны на Донбассе в СМИ России и Украины продолжают увеличивать раскол в осознании общности исторической судьбы двух народов [8].

ВЫВОДЫ

Современное Причерноморье – это сложный узел социокультурных проблем и рубежей, создаваемых сменой смыслов во взаимодействии государств, расположенных в этом регионе. В новейшей геополитике Причерноморье стало рубежом, где обозначились стратегические приоритеты России как страны, возвращающей свое присутствие не только на региональном уровне, но и в глобальном взаимодействии западной и восточной цивилизаций евразийского континента. В настоящее время причерноморские рубежи этих цивилизаций «раскалены» и полны запретов, соперничества, скрытой и проявленной конфликтности. Выход из этого средоточия противоречий не вполне ясен. Возможно, России как глобальному политическому актору в Причерноморье пора активизировать работу по созданию новых форматов взаимодействия с каждой страной этого беспокойного региона и миром в целом [8].

Список литературы

1. Дергачев В. А., Вардомский Л. Б. Регионоведение. 2-е изд. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2014. 519 с.
2. Полян П. Причерноморье как амфитеатр геноцида и депортаций. Новое литературное обозрение. Неприкосновенный запас, 2012. № 81 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/1794#sthash.uLeRGBuH.dpuf> (26 сентября 2017).
3. Язькова А. А. Большой Черноморский регион: проблемы и перспективы развития / Большое Причерноморье: противоречия и стратегические решения для России. М., Ин-т Европы РАН, 2016. С. 7–19.
4. Нарочницкая Н. А. Ключ к Евразии на дне Черного моря [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravoslavie.ru/analit/global/eurasiakey.htm> (28 сентября 2017).
5. Волович А. Военно-политическая активность США и НАТО в Черноморском регионе после августа 2008 года [Электронный ресурс]. URL: http://flot.com/nowadays/concept/opposite/caspian_activities.htm (25 сентября 2017).
6. Ротов А. С. Геополитический сегмент Причерноморья и его значение в формировании политики национальной безопасности современной России: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 Ростов на Дону, 2007, 138 с.
7. Глазова А. В. Зона особых интересов России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nationaldefense.ru/includes/periodics/geopolitics/2012/1106/13439485/detail.shtml> (24 сентября 2017).
8. Швец А. Б., Воронин И. Н. Проблемы трансформации социокультурных рубежей в Причерноморском секторе Евразии / Сборник радова Међународна научна конференција «Геополитички процеси у савременом Евроазијском простору» (Бања Лука, Република Српска, БиХ, 31.05-04.06.2017); [уредници Александар Дружинин, Рајко Гњато]. Географско друштво Републике Српске БиХ; Асоцијација руских друштвених географа; Природно-математички факултет Универзитет у Бањој Луци. Бања Лука: Вилукс-ХИП, 2017. С. 317–331.
9. Арешев А. Г. Конфликт на Ближнем Востоке: вызовы для ситуации в Причерноморье / Выступления участников круглого стола «Большое Причерноморье: геополитика и

РУБЕЖНОСТЬ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА И ЕГО ТРАНСФОРМАЦИЯ
НА ПРИМЕРЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

- геоэкономика» (8 июня 2016 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://instituteofeurope.ru/images/uploads/review/Sbornik-08062016.pdf> (3 октября 2017).
10. Босфор наш? [Электронный ресурс]. URL: <https://politota.dirty.ru/bosfor-nash-902706> (1 октября 2017).
11. Sinan Ogan. The Black Sea: new arena for global competition. Turkish Policy Quarterly. September 5, 2006 [Электронный ресурс]. URL: <http://turkishpolicy.com/article/517/the-black-sea-new-arena-for-global-competition-summer-2006> (4 октября 2017).
12. Мироненко В. И. Северное Причерноморье – Россия, Украина, Молдова. Большое Причерноморье: противоречия и стратегические решения для России. М., Ин-т Европы РАН, 2016. С. 19–26.

BOUNDARY OF THE SOCIO-CULTURAL SPACE AND HIS
TRANSFORMATION ON THE EXAMPLE OF THE BLACK SEA REGION

Voronin I., Shvets A, Voronina A.

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

e-mail: voronin.igor45@gmail.com, fusion10@mail.ru, voronina-simf@rambler.ru

Geopolitically speaking, the contemporary Black Sea Region is one of the most complicated Eurasia's regions. The sociocultural division was formed in this region between the countries claiming different level of geopolitical influence. In the Black Sea Region Russia and the USA form a range of relations of global confrontation. Ukraine and Turkey retain the potential of regional domination.

The aim of the research is systematizing the factors that transform the contemporary sociocultural boundaries in the Black Sea Region.

Sociocultural division is viewed as a variety of space in which there is an evident or a latent conflict.

We see the Black Sea Region as the territories of the countries that have a coastal zone in the water area of the Black Sea. These are: Abkhazia, Bulgaria, Georgia, the Russian Federation, Romania, Turkey, Ukraine. The position at the coast unites these territories making up common tasks of maintaining safety and following the mode of the Black Sea channels, as well as solving the problems of inner navigation, environment, fishery, etc.

The main reason of civilization transformations in the Black Sea Region is related to Russia regaining its place among the world powers that are capable of issuing a challenge to the West represented by the USA and the united Europe. Russia's comeback to big geopolitics caused an unprecedented resistance of western countries that imposed a system of economic and political sanctions against Russia in response to Crimea's reunification with it.

Among additional factors that make up and transform sociocultural boundaries in the Black Sea Region there are marine and continental factors. Marine factors of sociocultural division in the Black Sea Region are various. They are determined by the geographical peculiarities of the Black Sea basin. It is noted that the Bosphorus Strait and the Dardanelles are significant for the geopolitical stability in the Black Sea Region. The continental factors of sociocultural division in the Black Sea Region are related to the interaction of countries of the Region. Here there is still concealed rivalry between Russia and Turkey and a recent confrontation between Russia and Ukraine concerning the

solution of the problem of Donbass and the territorial allegiance of Crimea. The sociocultural division in the Black Sea Region is reinforced by the expanding presence of NATO's naval and land forces in the region.

At the current stage of the Black Sea Region development Russia has no geopolitical allies in this region. It is time for Russia as a global political actor in the Black Sea Region to work actively on creating new formats of interaction with each country of this disturbing region and the world in general.

Keywords: geopolitics, the Black Sea Region, sociocultural boundaries.

References

1. Dergachov V. A., Vardomsky L. B. Regional studies. 2-nd ed. M., 2014. 519 p. (in Russ.)
2. Polyan P. Black Sea region as an amphitheater of genocide and deportations (New literary review. Emergency ration), 2012. #81 [Electronic resource]. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/1794#sthash.uLeRGBuH.dpuf> (reference date: 26.09.2017) (in Russ.).
3. Yaz'kova A. A. The Great Black Sea Region: problems and prospects for development (The Great Black Sea Region: Contradictions and Strategic Solutions for Russia) M., 2016. P. 7-19 (in Russ.).
4. Narochnitzkaya N. A. The key to Eurasia at the bottom of the Black Sea [Electronic resource]. URL: <http://www.pravoslavie.ru/analit/global/eurasiakey.htm> (reference date: 28.09.2017) (in Russ.).
5. Volovich A. Military and political activity of the US and NATO in the Black Sea region after August 2008 [Electronic resource]. URL: http://flot.com/nowadays/concept/opposite/caspian_activities.htm (reference date: 28.09.2017) (in Russ.).
6. Rotov A. S. The geopolitical segment of the Black Sea area and him importance in shaping the national security policy of modern Russia (dissertations) Rostov on Don, 2007, 138 p. (in Russ.).
7. Glazova A. V. Zone of special interests of Russia [Electronic resource]. URL: <http://www.nationaldefense.ru/includes/periodics/geopolitics/2012/1106/13439485/detail.shtml> (reference date: 28.09.2017) (in Russ.).
8. Shvets A. B., Voronin I. N. Problems of transformation of sociocultural boundaries in the Black Sea sector of Eurasia (Geopolitical processes in the modern Eurasian space), 2017. P. 317-331. (in Russ.).
9. Areshev A. G. Conflict in the Middle East: Challenges for the Situation in the Black Sea Region (The Great Black Sea Region: geopolitics and geo-economics) [Electronic resource]. URL: <http://instituteofeurope.ru/images/uploads/review/Sbornik-08062016.pdf> (reference date: 03.10.2017) (in Russ.).
10. Is our Bosphorus? [Electronic resource]. URL: <https://politota.dirty.ru/bosfor-nash-902706> (reference date: 01.10.2017) (in Russ.).
11. Sinan Ogan. The Black Sea: new arena for global competition. Turkish Policy Quarterly. September 5, 2006 [Electronic resource]. URL: <http://turkishpolicy.com/article/517/the-black-sea-new-arena-for-global-competition-summer-2006> (reference date: 04.10.2017).
12. Mironenko V. I. Northern Black Sea Region – Russia, Ukraine, Moldova (The Great Black Sea Region: Contradictions and Strategic Solutions for Russia), 2016. P. 19-26.

Поступила в редакцию 20.07.2017